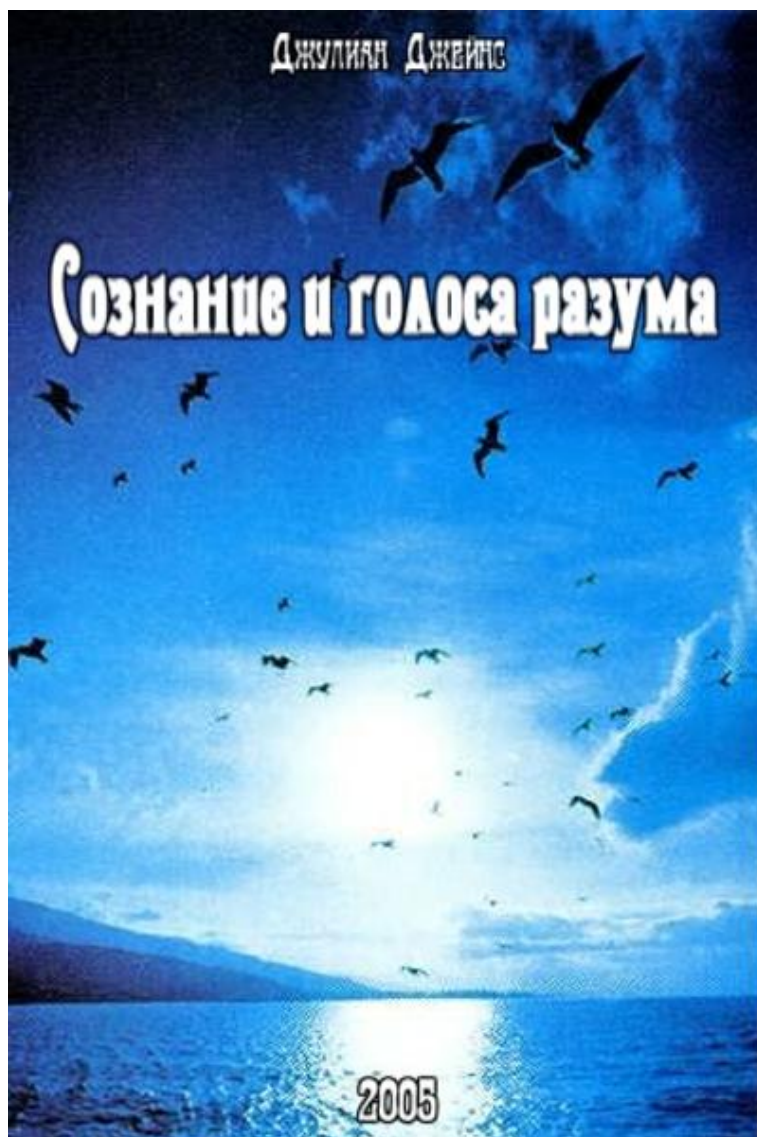

Джулиян Джеймс

Сознание и голоса разума

2005

ДЖУЛИАН ДЖЕЙНС

СОЗНАНИЕ И ГОЛОСА РАЗУМА

АННОТАЦИЯ

Американский психолог Джулиан Джейнс предлагает очень интересную теорию происхождения сознания в ходе эволюции. Темы, затрагиваемые в статье: связь сознания с языком и способностью конструировать метафоры, сознание древних людей, механизмы социального контроля в древних иерархических обществах, слуховые галлюцинации и их связь с религией, функции полушарий мозга, и другие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Julian Jaynes, "Consciousness and Voices of Mind", 2005 .

Перевод: ibsorath, 2005

Рожденный в Западном Ньютоне (West Newton), Массачусетс, Джулиан Джейнс обучался в Гарварде и МакГилле и получил степени магистра и доктора психологии в Йале (Yale). В то время как Кафедра психологии в Принстоне, к которой он присоединился в 1964 году, по-прежнему является его академической базой, доктор Джейнс много раз выступал как приглашенный лектор или ученый на кафедрах философии, английского языка и археологии и во множестве медицинских школ.

Начинаясь с традиционной сравнительной психобиологии, его подход состоял в том, чтобы набросать план эволюции сознания с помощью

исследования научения и работы мозга у разных видов, от простейших до червей, рептилий и кошек. Найдя такой подход неудовлетворительным, он сменил курс и позже изучал сознание с помощью исторического анализа, самонаблюдения и исследования языка и метафор.

Доктор Джейнс широко публиковался, его ранние работы касались таких тем как импринтинг птиц и нейрологические аспекты парного поведения кошек. Его поздняя работа достигла кульминации в 1976 в его книге *«Происхождение сознания при распаде двухпалатного разума»* (*The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*). Об этой книге существует множество недавних статей, опубликованных в различных журналах, таких как *The History of Ideas, Art World*, и *The Behavioral and BrainSciences*.

Здесь представлена лекция, прочитанная Джулианом Джейнсом на симпозиуме Канадской Психологической Ассоциации (Canadian Psychological Association Symposium) по вопросу сознания в Галифаксе, Канада, в 1985 году, и была впервые опубликована в апреле 1986 в *Canadian Psychology*, том 27 (2).

ДЖУЛИАН ДЖЕЙНС СОЗНАНИЕ И ГОЛОСА РАЗУМА

Немногие вопросы проделали такой интересный интеллектуальный путь в истории, как вопрос касательно разума (mind) и его места в природе. До 1859 года, когда Дарвин и Уоллес (Darwin, Wallace) независимо предложили в качестве основы эволюции естественный отбор, эта тема была известна как проблема разума/тела (mind/body problem) и имела различные, иногда неуклюжие решения. Но после этой знаменательной даты, она стала называться проблемой сознания (consciousness) и его происхождения в ходе эволюции.

Итак, первое, на чем я хотел бы сделать в этот вечер акцент, это данная проблема. Ее легко понять среднему любителю. Парадоксально, но для философов, психологов, и нейрофизиологов, привыкших к другому образу мышления, это затруднительно. То, что мы должны объяснить — это контраст, столь очевидный для ребенка, между скрытым внутренним миром воображения, воспоминаний и памяти, и внешним, общим для всех, миром вокруг нас. Теория эволюции прекрасно объясняет анатомию видов, но как из обычной материи, обычных молекул, мутаций,

анатомических особенностей, вы можете получить эти богатые внутренние переживания, всегда сопровождающие нас в течение дня и в наших снах ночью? Вот проблема, которую мы будем обсуждать на этом симпозиуме.

ПРЕЖНИЕ РЕШЕНИЯ

Предыдущие решения оказались иллюзорными. Одним из самых сложных, но исторически интересных (ассоциируемым с такими философами, как Перри, Perry, 1912, или Уайтхед, Whitehead, 1925) была смутная аналогия, названная в итоге неореализмом. Насколько можно судить, она утверждает, что, поскольку взаимодействующая материя может быть сведена к математическим отношениям, как в определенной степени и наше восприятие и межличностные отношения, то сознание происходит из самой материи. К несчастью, это чрезмерно абстрактное представление в определенном смысле возрождается сегодня, в том или ином виде, некоторыми физиками, благодаря некоторым удивительным результатам квантовой физики (например, Вигнер, Wigner, 1972)

Еще одно, более популярное решение восходит к самому Дарвину. В последнем параграфе «*Происхождения Видов*» *The Origin of Species*, Darwin, 1859) он предполагает, что Бог создал сознание и тело в первых примитивных организмах, и далее они развивались совместно и параллельно друг другу. Но это погружает проблему в область метафизики, и вскоре было осознано, что должен существовать некий критерий сознания. В эмпиристском климате того времени очевидным критерием было обучение. Таким образом, вопрос звучал так: как способность к обучению появилась в ходе эволюции? Множество людей не осознают, что причиной, по которой так много психологов изучали обучение животных (как, например, обучение крыс в лабиринте) в первые два десятилетия века, была цель изучить сознание животных на примитивном уровне и проследить его эволюцию. Как указала доктор Уайтельсон (Witelson) в своем внимательном предисловии, это было, несомненно, фокусом моей ранней работы на протяжении многих лет, но, как я сейчас вижу, не имело отношения к сознанию. Эта ошибка, я думаю, восходит к Джону Локку (John Locke) и эмпиризму: Разум (mind) есть пространство, где у нас есть свободные идеи, неким образом парящие там, и это есть сознание (consciousness). И когда мы воспринимаем вещи в сходстве, различии или каким-либо другим из так называемых законов

ассоциации, соответствующие им идеи склеиваются. Следовательно, если вы можете продемонстрировать обучение животного, вы демонстрируете ассоциацию идей, то есть сознание. Это весьма запутанный ход мыслей. Я позже вернусь к этой ошибке.

Потом, разумеется, были другие решения — теория беспомощного наблюдателя Гексли (Huxley, 1896), говорящая, что сознание просто наблюдает поведение и не может ничего делать. Но если это верно, то зачем оно вообще нужно? Поэтому на смену пришла теория эмерджентной эволюции (emergent evolution), намеревавшаяся избавить нас от такого пессимистичного взгляда. Наиболее полно она была разработана Ллойдом Морганом (Lloyd Morgan, 1923), хотя сама идея берет начало в 19 веке. Простейший пример — вода: если вы возьмете водород и кислород, вы не сможете найти в них воду или влажность. Влажность есть результат. Сходным образом, если в ходе эволюции имеется определенное количество мозговой ткани, то внезапно вы получаете сознание. Сознание есть результат, следствие (emergent), не выводимое из чего-либо предшествующего. Эта теория также возрождается в работах некоторых нейрологов сегодня. Но, если проанализировать, она не приводит ни к каким гипотезам, и не говорит нам о каком-либо из процессов ничего. Эмерджентная эволюция — это ярлык, которым мы прикрываем наше неведение.

То, что я хочу вам представить сейчас — это другой тип решения, удививший меня богатством необычных и проверяемых гипотез, которые оно порождает, а также удививший меня в смысле направлений, в которых шла моя работа. Но сначала мы должны прямо рассмотреть вопрос о том, чем является сознание. А перед этим, я сначала обрисую некоторые аспекты того, чем сознание не является.

ЧЕМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОЗНАНИЕ

Во-первых, сознание — это не вся психика (mentality). Вам это очень хорошо известно. Существует множество вещей, которые нервная система выполняет для нас автоматически. Все разнообразие воспринимаемых свойств — например, размер, яркость, цвет, форма, которые наша нервная система сохраняет в широком диапазоне окружающих изменений света, расстояния, угла зрения, или даже нашего движения, при котором объекты сохраняют свое положение, называемое константой

расположения (location constancy) — все это делается без какой-либо помощи со стороны интроспективного сознания.

То же и с другим широким классом активности, которую можно назвать *преоптивной* (*preoptive*), то есть то, как мы сидим, ходим, передвигаемся. Все эти действия делаются без осознания, если только мы не решим осознавать их — преоптивная природа сознания. Даже в речи, роль сознания более изменчива, чем некое постоянное сопровождение моих слов. Я сейчас не вхожу осознанно в хранилище своего словарного запаса, и не выбираю осознанно элементы, чтобы встроить их в эти синтаксические структуры. Вместо этого, я демонстрирую то, что может быть описано как намерения с определенным смыслом, которые я называю струкциями (*struictions*), а затем лингвистические паттерны привычек, возникающие без дальнейшего вмешательства моего сознания. Похожим образом, слушая чью-то речь, что именно вы, слушатели, осознаете? Будь это потоком фоном, или даже, на более высоком уровне, морфем или даже слов, вы бы не понимали, что я хочу сказать.

Сознание часто путают с простым чувственным восприятием. Исторически, мы выводили и абстрагировали идеи чувственного восприятия из осознания (*realization*) наших органов чувств, и затем, исходя из наших предварительных допущений о разуме и материи (*mind and matter*) или душе и теле, мы думаем, что эти процессы должны быть отнесены на счет сознания — но это не так. Если кто-то из вас по-прежнему думает, что сознание есть необходимая часть чувственного восприятия, то, я думаю, вам придется дойти до *reduction ad absurdum*: вы должны будете дальше сказать, что, поскольку все животные обладают чувственным восприятием, они все сознательны. И далее, вниз по эволюционному древу, это должно быть верным даже для одноклеточных простейших, так как они реагируют на внешние стимулы, или одноклеточных растений, наподобие водоросли *chlamydomonas*, с ее зрительной системой аналогичной нашей, и даже для амебообразных белых кровяных клеток, поскольку они чувствуют бактерий и поглощают их. Они тоже должны тогда обладать сознанием. А говорить, что существует десять тысяч сознательных существ на кубический миллиметр крови, струящихся по американским горкам сосудистой системы в каждом из здесь присутствующих — это позиция, которую мало кто взялся бы отстаивать.

Далее, идея, что сознание присутствует во всем, что мы делаем — иллюзия. Предположим, что вы попросили электрический фонарь в совершенно темной комнате включиться и посмотреть вокруг, и глянуть, есть ли где-нибудь свет — фонарик, глядя вокруг, разумеется, увидел бы

свет повсюду, и пришел бы к выводу, что комната ослепительно сияет, хотя, на самом деле, все обстоит почти наоборот. Так же и с сознанием. Мы впадаем в иллюзию, что оно — это вся психика. Если вы оглянетесь на сражения вокруг этой проблемы в 19-м и начале 20-го столетия, вы увидите, что именно эта ошибка оказалось ловушкой, которая затягивала людей в столь многие трудности, да и по-прежнему так происходит.

Во-вторых, сознание не отображает опыт (experience). Это — вторая ошибка, восходящая к началу эмпиризма, когда Локк (1690) говорил о том, что ум это «белый лист, лишенный всех характеристик и каких-либо идей» (Essay II, 1.2), на котором отображается опыт. Была бы в те времена изобретена фотокамера, думаю, Локк использовал бы ее, вместо чистой бумаги, как свою основополагающую метафору. В опыте мы делаем последовательные снимки мира, погружаем их в проявитель, размышления, и наблюдаем, как концепции, воспоминания, и весь наш психический интерьер получают существование.

Но то, что сознание не копирует опыт, может быть продемонстрировано очень легко. (а) Изучая отсутствие воспоминаний, которые были бы у нас, если бы сознание копировало опыт. К примеру, знание того, какие буквы соответствуют цифрам на телефонных клавиатурах: несмотря на то, что мы смотрели на них тысячи раз, большинство из нас не могут этого сказать; есть и бесчисленные другие примеры. Или (б) изучая воспоминания которые у нас есть, и замечая, что они не структурированы так, как мы их переживаем. Например, пользуясь примером Дональда Хебба (Donald Hebb, 1961), думая о том, как вы последний раз плавали. Большинство людей, вместо того, чтобы думать о сложном визуальном, температурном, проприоцептивном, дыхательном опыте, каким он был, склонны видеть себя плывущим с другой точки зрения — вероятно, с верхней точки. То есть это то, чего они, конечно, никогда не испытывали. Сознательная память не копирует опыт, а реконструирует его так, каким он должен-был-быть. Этот взгляд близок к некоторым последним конструктивистским теориям памяти.

В-третьих, сознание не необходимо для обучения — на это я указывал ранее как на ошибку, о которой так долго не знал. Если мы возьмем наиболее примитивные типы обучения, такие, как Павловское обуславливание (conditioning), то оно происходит и в препаратах, наподобие задней ноги обезглавленного таракана, о которой никто не подумает, что она и вправду сознательна. А в случае человека, сознание не только не участвует в приобретении условных рефлексов, оно разрушает обуславливание, как только человек осознает дополнительные, непредвиденные обстоятельства (Разран, Razran, 1971).

Обучение двигательным навыкам, судя по всему, также происходит без участия сознания. Это очень широко изучалось в 1920-х годах в области телеграфии, стенографии, и подобных занятий, очень важных в те времена. Обучение воспринимается субъектами как «органическое» — это одно из их слов. Они были удивлены, что сознание, кажется, не участвовало в обучении, как они могли этого ожидать.

Более сложный тип обучения — это инструментальное обучение, или оперантное обуславливание, или мы могли бы сказать, что это обучение решению проблем. Это старая психологическая проблема, называемая обучением без осознания (awareness). Психологи вспомнят эффект Гринспуна (Greenspoon, 1955), некоторые исследования инструментального обучения небольшим мускульным движениям без осознания (Hefferline, Keenan, & Harford, 1959), и многие другие. Это более проблематично, чем я могу здесь описать, но я думаю, что мы можем показать, что инструментальное обучение может происходить без вмешательства сознания.

Я не хочу сказать, что сознание не играет роли в этих различных типах обучения человека. Играет — например, в решении, чему именно учиться, или в создании правил, как учиться лучше, или в сознательном формулировании особенностей задачи. Но это не обучение само по себе. И моя точка зрения состоит в том, что сознание не является необходимым для обучения.

Здесь можно вспомнить хорошо известный феномен автоматизации привычки; когда это случается, все выглядит так, как будто задача требует сознания в самом начале; но когда формирование привычки завершено, сознание уходит, и задача выполняется без усилий. Эти же сглаживание и рост скорости выполнения привычного действия в ходе практики обнаруживаются среди всех животных, которые обучаются. Вообще, в этом повсеместном явлении прекращение осознания с ростом работоспособности не является необходимым или основным в той же степени, как и прекращение принудительного внимания к элементам задачи. И внимание, особенно внешнее внимание, то есть сфокусированное чувственное восприятие, не обязательно является осознанным. Возьмите две монеты в каждую руку, и перебрасывайте их из одной в другую, пока не научитесь ловить другой рукой. Это задача, которая отнимет где-то от 15 до 20 попыток. И если вы хотите научиться этому сегодня вечером, и будете следить за своим сознанием, пока будете это делать, вы обнаружите, что сознание имеет мало отношения к обучению, которое, кажется, происходит механически. Вы можете осознавать что-либо вроде своей неуклюжести, или глупости того, чем вы

занимаетесь, когда будете по-прежнему поднимать монеты с пола — пока, в момент успеха, ваше сознание не обнаружит что-то вроде удивления и даже гордости за вашу превосходную ловкость. А изменилось именно внимание. Автоматизация есть уменьшение внимания, а не сознания.

Четвертая вещь, для которой сознание не необходимо, и это может показаться весьма парадоксальным, это мышление или умозаключение. Здесь мы подходим к, возможно, главной проблеме в этой области: определению наших терминов, особенно таких, как мышление и умозаключение. Если мы возьмем простейшее определение мышления, я думаю, мы можем действительно показать, что сознание не необходимо для него. Это касается одного из забытых экспериментов в психологии. На самом деле, он кажется столь простым для нас сегодня, что выглядит глупо. И все же для меня это такая же важная часть истории психологии, как очень сложный эксперимент Майкельсона-Морли в истории физики (Swenson, 1972). Как последний продемонстрировал, что эфир не существует, став фундаментом для теории относительности, так и эксперимент, который я хочу описать, показал, что мышление не сознательно, и подготовил фундамент для теории, которую я здесь описываю.

Эксперимент, о котором я говорю, был впервые выполнен в 1901 году Карлом Марбе (Karl Marbe, 1901), аспирантом Вюрцберга (Wurzburg) в тот период в научном мире, когда сознание впервые начало интенсивно изучаться. Используя своих профессоров в качестве подопытных, каждый из которых уже имел интенсивный опыт экспериментов по самонаблюдению, он просил их вынести с двух, выглядящих одинаково гирих, простое суждение, какая из них тяжелее. Вопреки предположениям экспериментальной психологии того времени, результат был поразительным. Не оказалось никакого сознательного содержания в суждениях самих по себе, хотя такие суждения были заложены в осознании проблемы, ее сущности и технике.

Так началось то, что назвали Вюрцбергской школой внеобразного мышления (Wurzburg School of Imageless Thought), которая, после экспериментов Эша, Уатта, Кюпле (Ach, Watt, Kulpe) и других (см. обсуждения Боринга, Boring, 1929, Хамфри, Humphrey, 1951, или Мюррея, Murray, 1983) пришла к таким концепциям, как установка (set), *aufgabe*, и определяющая тенденция (determining tendency) — которые я переименовал в *струкции*.

Струкции похожи на инструкции, передаваемые нервной системе, что, при существовании материала для работы, дает результат в виде ответа

автоматически, без какого-либо сознательного мышления или умозаключения. И этот феномен касается большинства видов нашей активности, от таких простейших, как суждение о весе, до решения проблем и до научной и философской деятельности. Сознание изучает проблему и подготавливает ее в виде структуры — процесс, который может привести к внезапному появлению решения как бы ниоткуда. В ходе Второй мировой войны, британские физики часто говорили, что они больше не делают открытий в лабораториях; у них были три В, где происходили открытия — ванна (bath), кровать (bed), и автобус (bus). И, как мы упомянули ранее, этот процесс в меньшем масштабе происходит сейчас во мне, когда я говорю: мои слова как бы выбраны для меня моей нервной системой после того, как ей даны структуры с моим намеренным значением.

И в заключение этого списка о ши бочных представлений о сознании, пару сло в о его местоположении. Большинство людей (за исключением, возможно, собравшихся здесь, которые долго думали об этой проблеме и в итоге помещают его «где-то там» в интеллектуальной области) склонны думать о своем сознании (как это делали Декарт, Локк, и Юм) как о пространстве, обычно помещаемом внутри их голов. В особенности, когда мы вступаем в контакт глаза-в-глаза, мы склонны — на подсознательном уровне — предполагать такое пространство в других. Но, конечно, такого пространства нет. Пространство сознания, которое я позже назову *умственным пространством* (*mind-space*), это фиктивное пространство, не имеющее положения, за исключением того, которое мы ему приписываем. Думать о нашем сознании, как о находящемся внутри головы (как отражено и чему мы учимся в наших действиях вроде самонаблюдения или интернализации), очень естественно, но произвольно. Я определенно не хочу сказать, что сознание отделено от мозга; по предположениям естественных наук, это не так. Но мы используем наши мозги, когда ездим на велосипеде, и все же никто не считает, что местоположение езды на велосипеде находится в наших головах. Воспринимаемое положение сознания произвольно.

Подводя итог, мы показали, что сознание это не вся психика, оно не обязательно для чувствования или восприятия, оно — не копия опыта, не обязательно для обучения, не обязательно даже для мышления и умозаключения, и имеет только произвольное и фиктивное местоположение. В качестве предисловия к тому, что я скажу позже, я хотел бы, чтобы вы представили, что в какое-то время могли бы быть люди, которые делали большинство из того, что делаем мы — говорили, понимали, воспринимали, решали проблемы — но у которых не было сознания. Я думаю, это очень важная возможность.

Пока что это почти что возврат к позиции радикального бихевиоризма. Но чем же тогда является сознание, поскольку я считаю непреложным фактом то, что мое самонаблюдение, ретроспекция и воображение несомненно существуют? Я планирую здесь обрисовать в сжатом виде теорию сознания и затем объяснить ее различными способами.

ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ СОЗНАНИЕ

Субъективный сознательный ум — это аналог того, что мы называем реальным миром. Он создается в словарном или лексическом поле, термы которого — аналоги или метафоры поведения в физическом мире. Реальность его того же порядка, что и математика. Он позволяет нам сократить поведенческие процессы и принять более адекватное решение.

Как и математика, это скорее оператор, чем вещь или хранилище. И он очень тесно связан с волей и решением.

Рассмотрим язык, который мы используем для описания сознательных процессов. Наиболее заметная группа слов, используемых для описания ментальных актов — визуальная. Мы «видим» решения проблем, лучшие из которых могут быть «блестящими», или «ясными», или может быть «смутными», «нечеткими», «туманными». Все эти слова — метафоры, и умственное пространство, к которым они применяются, создается из метафор реального пространства. В этом пространстве мы можем «подойти» к проблеме, вероятно, с какой-то «точки зрения», «столкнуться» с ее трудностями. Каждое слово, используемое для указания на ментальное событие, это метафора или аналог чего-то в области поведения. Прилагательные, которые мы используем для описания физического поведения в реальном пространстве, по аналогии применяются для описания психического поведения в пространстве умственном. Мы говорим о сознательном уме как о «быстром» или «медленном». Или о ком-то с «проворным» умом, «сильным умом»; или о «слабоумном»; или о человеке «широкого ума», «глубокого», «открытого» или «узкого» ума. И, как и в реальном пространстве, что-нибудь может быть в нашем уме «на периферии», или «таиться в глубине», или «быть выше» нашего ума. Но, помните вы мне, метафора — это просто сравнение, и она не может производить новых сущностей наподобие сознания. Должный анализ метафор демонстрирует прямо противоположное. В каждой метафоре есть, по меньшей мере, два термина:

то, что мы пытаемся выразить словами, *метафранд* (*metaphrand*); и терм, производимый с этой целью согласно структуре, *метафаер* (*metaphier*). Это близко к тому, что Ричардс (Richards, 1936) назвал «направлением» (*tenor*) и «средством передвижения» (*vehicle*) — терминами, более подходящими для поэзии, чем для психологического анализа. Вместо этого я выбрал «метафранд» и «метафаер», чтобы придать больше свойств оператору благодаря схожести с арифметическими терминами «множимое» (*multiplicand*) и «множитель» (*multiplier*). Если я говорю, что «корабль бороздит море», метафранд — это то, как судно движется в воде, а метафаер — плуг.

В качестве более подходящего примера, вообразите личность, во времена формирования нашего ментального словаря пытавшуюся решить некую проблему или научиться выполнять некую задачу. Чтобы выразить свой успех, он мог внезапно воскликнуть (на своем языке): «Ага! Я «вижу» решение». «Вижу» — это метафаер, берущий начало из физического поведения в физическом мире, который применен для этого, иным способом невыразимого, психического события — метафранда. Но метафаеры обычно имеют ассоциации, называемые *парафаерами* (*paraphiers*), которые проецируются обратно на метафранд, образуя то, что называется *парафрандами* (*paraphrands*) и, разумеется, создавая новые сущности. Слово «вижу» обладает ассоциациями видения в физическом мире и, следовательно, в пространстве, и это пространство, таким образом, становится парафрандом, поскольку объединено с подразумеваемым ментальным событием, называемым метафрандом.

Таким образом, пространственные качества мира вокруг нас вводятся в психологический факт решения проблемы (который, как я продемонстрировал, не требует сознания). И это ассоциированное пространственное качество, как результат использования языка для описания психологических событий, становится, при постоянном повторении, подобным пространственным качеством нашего сознания, или умственным пространством. Это умственное пространство я считаю главным свойством сознания. Это то пространство, которое вы можете преоптивно наблюдать в данный момент.

Но кто осуществляет это «видение»? Кто осуществляет самонаблюдение? Здесь мы вводим аналогию, которая отличается от метафоры тем, что схожесть тут скорее между отношениями, чем между вещами или действиями. Как тело с его органами чувств (на которое я ссылаюсь как на «Я» («I»)) видит физически, так автоматически развивается аналог «Я» для отношения к этому психическому типу «видения» в умственном пространстве. Аналог «Я» — это второе важнейшее свойство сознания. Его не надо путать с собственной личностью (self), которая является объектом сознания при дальнейшем развитии. Аналог «Я» бессодержателен, что, я думаю, имеет сходство с Кантовским (Kant, 1781) «трансцендентным эго». Как телесно я могу перемещаться в окружающем мире, осматривая то и это, так же аналог «Я» учится «перемещаться» в умственном пространстве, концентрируясь на той или иной вещи. Если вы «видите» себя плывущим, как в нашем предыдущем примере, именно ваш аналог «Я» осуществляет это «видение».

Третье свойство сознания — это *наппатизация* (*narratization*), аналогическая симуляция физического поведения. Это очевидный аспект сознания, который, кажется, не затрагивался в предыдущих обсуждениях сознания. Сознание постоянно помещает вещи в рассказ, ставя рядом с каждым событием «до» и «после». Это свойство аналогично физическим нам самим,двигающимся в физическом мире с его пространственной последовательностью, что становится последовательностью времени в умственном пространстве. И это выливается в сознательную концепцию времени, которое является *опространствленным временем* (*spatialized time*) в котором мы наделяем место положением со бытия и сами наши жизни. Невозможно осознать время другим способом, кроме пространственного.

Существуют другие свойства сознания, которые я просто упомяну: *концентрация* (*concentration*), «внутренний» аналог внимания внешнего восприятия; *подавление* (*suppression*), с помощью которого мы перестаем осознавать досаждающие нам вещи — аналог ухода от раздражителей в физическом мире; *исключение* (*excerption*), аналог того, как мы ощущаем только один аспект вещи в момент времени; и *совпадение* (*consilience*), аналог перцептивного усвоения (perceptive assimilation); а также другие. Я ни в коем случае не считаю этот список исчерпывающим. Основное правило здесь — то, что нет ни одной операции в сознании, которая прежде не была бы в поведении. Все они — выученные аналоги внешнего поведения.

Психологов иногда справедливо обвиняют в привычке заново изобретать колесо и делать его квадратным, а затем называть это первым

приближением. Я бы возражал против того, чтобы считать это верным в отношении того подхода, который я только что набросал, но я определенно называю его первым приближением. Сознание это определенно не простой вопрос, и не стоит о нем говорить в таком ключе. Не упомянул я и различные способы нарратизации в сознании, такие, как вербальные, перцептуальные, телесные, музыкальные, каждый из которых отличается своими особенностями. Но я думаю, этого достаточно, чтобы позволить нам вернуться к эволюционной проблеме, как я поставил ее в начале, которая принесла столько проблем биологии, психологии и философии.

Когда начался этот «внутренний» мир? Здесь мы подходим к самому важному моменту нашего обсуждения. Говорить, что сознание развилось из языка, значит утверждать, что все, начиная с Дарвина, включая меня самого в ранние годы, ошибались в попытках проследить происхождение сознания биологически или нейрофизиологически. Это подразумевает, что мы должны взглянуть на историю человечества после возникновения языка и спросить, когда в истории появился нарратизирующий в умственном пространстве аналог «Я».

Когда появился язык? В других источниках (Jaynes, 1976a) я обрисовал идеи, как язык мог развиваться из модифицированных сигналов, что было названо «модель Уахи, Уаху» (Wahee, Wahoo model) и сейчас соперничает с несколькими другими (Maxwell, 1984). Но это теоретически указывает на поздний плейстоцен или эпоху неандертальцев по нескольким причинам: (1) этот период совпадает с эволюционным давлением в последний ледниковый период, связанным с вербальным взаимодействием во время охоты на крупных животных; (2) совпадает с поразительным развитием отдельных частей мозга, вовлеченных в языковую деятельность; и (3), что уникально для этой теории, согласуется с археологическими записями о бурном развитии орудий труда, а мы знаем, что язык это не только коммуникация, но он также действует как орган восприятия, направляя внимание и удерживая внимание на отдельном объекте или задаче, делая во зможным усовершенствование изготовления орудий. Такая датировка подразумевает, что язык не старше 50 000 лет, что означает, что сознание развилось где-то между этой датой и настоящим временем.

Касательно этой проблемы, удачей является то, что к 3000 до н. э. люди овладели выдающейся способностью к письму. Следовательно, очевидно, что нашим первым шагом должно быть рассмотрение самых ранних записей человечества, чтобы посмотреть, есть ли там какие-нибудь признаки нарратизирующего в умственном пространстве аналога «Я». Первые записи — это иероглифическое письмо и клинопись, очень

трудные для перевода, особенно когда они ссылаются на что-либо психологическое. А следовательно, мы должны обратиться к языку, о котором у нас больше представления, и это, конечно, греческий. Самый ранний греческий текст существенного объема, чтобы задаться нашим вопросом, это Илиада. Нарратизируют ли герои Илиады, их аналоги «Я», в умственном пространстве, и принимают ли решения таким образом?

ДВУХПАЛАТНЫЙ РАЗУМ

Для начала, по звольте сделать несколько общих утверждений касательно Илиады. Для меня, и для приблизительно половины классицистов это устная поэма, изначально произносившейся и собиравшейся в одно и то же время длинной последовательностью *аэдов* (*aoidoi*) или бардов. Поэтому она содержит много несогласованностей. Даже после того, как она была записана примерно в 800 г. до н. э, вероятно, кем-то по имени Гомер, она содержит много вставок, сделанных иногда столетиями позже. Таким образом, существует много исключений из того, что я хочу сказать, таких, например, как длинная речь Нестора в книге XI, или риторический ответ Ахиллеса Одиссею в книге IX.

Но если вы возьмете общепризнанно самые старые части Илиады, и спросите: «Есть там доказательства существования сознания?» ответом, я думаю, будет — «нет». Люди не сидят, принимая решения. Ни один. Никто не занимается самонаблюдением. Никто даже не предается воспоминаниям. Это мир совсем другого типа.

Тогда, кто принимает решения? Когда бы ни делался значительный выбор, возникает голос, говорящий людям, что делать. Этим голосам всегда и незамедлительно подчиняются. Эти голоса называют богами. Для меня это — источник происхождения богов. Я считаю их звуковыми галлюцинациями, близкими, хотя и не совсем совпадающими, к голосам, которые слышали Жанна д'Арк или Уильям Блейк. Или к голосам, которые слышат современные шизофреники. Возможно, к голосам, которые могли слышать некоторые из вас. Считающиеся очень важным симптомом при диагностике шизофрении, слуховые галлюцинации происходят в той или иной форме в различное время у примерно половины населения (Пози и Лош, Posey & Losch, 1983). Я также интервьюировал и переписывался с людьми, которые, в остальном совершенно нормальные, внезапно испытывали период интенсивных слуховых словесных галлюцинаций,

обычно религиозного толка. Словесные галлюцинации распространены сегодня, но в ранних цивилизациях, я предполагаю, они были повсеместными.

Эта психика ранних времен, например, во времена Илиады, представляла собой то, что называется *двухпалатным разумом* (*bicameral mind*), используя метафору двухпалатного законодательного собрания. Это подразумевает просто то, что человеческая психика в те времена состояла из двух частей: части, принимающей решения, и ведомой части; и ни одна из них не была сознательной в том смысле, в котором я описываю сознание. И здесь я бы хотел напомнить вам о пространной критике сознания, с которой я начал свой рассказ, демонстрирующей, что человек способен говорить и понимать, обучаться, решать проблемы, и делать большую часть того, что делаем мы, но не обладать сознанием. Это мог делать двухпалатный человек. В своей повседневной жизни он полагался на привычки, но когда возникала некая проблема, требующая нового решения, или ответа более сложного, чем могла обеспечить привычка, то стресс, вызванный необходимостью принятия решения, был достаточен, чтобы спровоцировать слуховые галлюцинации. Поскольку такие индивидуумы не обладали пространством ума, в котором могли спрашивать или сопротивляться, постольку этим голосам приходилось подчиняться.

Но откуда возникла такая психика, как двухпалатный разум? Давайте вернемся к временам возникновения цивилизаций в различных частях на Ближнем Востоке примерно за 9 тысяч лет до н. э. Это сопровождалось появлением агрокультуры. Причиной, по которой двухпалатный разум мог существовать в те времена, было эволюционное давление, побуждающее к возникновению нового типа социального контроля, чтобы перейти от маленьких групп охотников-сборщиков к большим основанным на аграрной культуре городам и селениям. Двухпалатный разум мог делать это, поскольку позволял большой группе людей иметь при себе указания вождя или царя в виде словесных галлюцинаций, вместо присутствия лично вождя на протяжении всего времени. Я думаю, эти словесные галлюцинации развились вместе с эволюцией языка в течение неандертальской эпохи в качестве поддержки внимания и настойчивости в выполнении задач, но потом превратились в способ управления большими группами.

Можно легко заключить, что люди с такой психикой должны были существовать в особом типе общества, жестко упорядоченном четкой иерархией со строгими ожиданиями, встроенными в ум, чтобы галлюцинации поддерживали общественное устройство. И это

определенно имело место. Все двухпалатные царства были иерархическими теократиями, где существовал бог, часто идол, из головы которого, казалось, происходили галлюцинации. Или, реже, это был человек, наделенный божественными качествами, и чей действительный голос слышали в галлюцинациях.

Такие цивилизации появились в различных частях Ближнего Востока и далее распространились в Египет, позже из Египта в Куш в Южном Судане, а затем в центральную Африку; что касается других географических направлений, они распространялись в Анатолию, Крит, Грецию, затем в Индию и южную Россию; а затем на Малайский полуостров, где в северном Таиланде недавно были обнаружены руины древней цивилизации, и позже в Китае. Спустя тысячелетие, серия цивилизаций появилась в Мesoамерике, приведя к возникновению Ацтеков, и затем, частично независимо, а частично благодаря смешиванию с другими сериями цивилизаций в Андских высокогорьях, к возникновению Инков. И куда бы мы ни посмотрели, везде есть различные типы доказательств того, что я называю двухпалатным разумом. Каждый историк, изучающий древний мир согласился бы, что все эти ранние цивилизации были насквозь религиозны, жестко зависели от богов и идолов.

Там, где существует письменность позже 3000 до н. э., мы можем видеть эти двухпалатные цивилизации более ясно. В Месопотамии глава государства представлял собой деревянную статую — деревянную, следовательно, ее можно было переносить с собой — с драгоценностями в глазах, надушенную, богато украшенную, вовлеченную в ритуалы, сидящую за большим столом (возможно, отсюда возникли алтари) в *giguni*, что обозначало большой зал внизу зиккурата. Тот, кого мы могли назвать царем, был на самом деле первым распорядителем при этой статуе бога. Клинописные тексты буквально описывают, как люди приходили к идолам-статуям, задавали им вопросы, и получали указания от них. Зачем в точности разумам (или мозгам) двухпалатных людей требовались для их голосов такие внешние реквизиты как идолы, трудно ответить, но я подозреваю, что это имело отношение к необходимости отличать одного бога от другого.

Я хочу также упомянуть, что доказательства, основанные на письменных текстах, личных идолах, цилиндрических печатях, и конструкции личных имен предполагают, что у каждого человека был личный бог. В Месопотамии это был его *ili*, что на иврите имеет, вероятно, тот же корень, что и Эли или Элохим. В Египте личный бог, несущий такую же функцию, назывался *ka* — слово, которое было загадкой в египтологии до сих пор.

В отношении личного бога можно предположить, что часть нашего природного двухпалатного наследия является современным феноменом «воображаемого» друга по детским играм. (imaginary playmate). Согласно моему собственному исследованию, так же как и другим данным (Singer & Singer, 1984), это явление наблюдается, по меньшей мере, у трети современных детей в возрасте от 2 до 5 лет, и, как сейчас считается, включает в себя очень реалистичные словесные галлюцинации. В редких случаях, когда воображаемый друг остается и после периода юности, он также растет вместе с ребенком и начинает говорить ему или ей, что делать в моменты стресса. Таким образом, возможно, что это то, как личный бог возник в двухпалатные времена: воображаемый друг растет вместе с личностью в обществе, предъявляющем ожидания, постоянно побуждающие ребенка продолжать слышать голоса.

Вот, вкратце, что такое двухпалатный разум. У меня нет времени обсудить различия между двухпалатными теократиями, но все они были основаны на строгих и стабильных иерархиях, как я уже указал. Как минимум некоторые из таких цивилизаций можно сравнить с колониями общественных насекомых, где вместо социального контроля, осуществляемого с помощью феромонов, выделяемых насекомым-маткой, имелся контроль на основе галлюцинаторных указаний от идола. Все происходило с точностью часов, если не случалась настоящая катастрофа или серьезная проблема.

РАСПАД ДВУХПАЛАТНОГО РАЗУМА

Но такая система очевидно ненадежна. Огромный успех подобных агрокультурных двухпалатных цивилизаций необходимо влечет за собой перенаселение и увеличение сложности и, при наличии социальной и политической нестабильности, двухпалатность может рухнуть, как карточный домик. Некоторые цивилизации часто разрушались, как, например, Майя на нашем континенте. Храмовый комплекс и город могли быть построены, просуществовав несколько столетий, и затем полностью покинуты, предположительно потому, что по мере того, как общество становилось все более и более перенаселенным, голоса не могли убеждать всех. Затем, после нескольких столетий племенного существования, они могли каким-либо образом снова собраться вместе и выстроить другой храмовый комплекс. Вот почему мы находим так много этих комплексов со свидетельствами того, что народ внезапно покинул их.

В Египте мы обнаруживаем, что двухпалатное сознание распалось в период между так называемым Древним Царством и Средним Царством, а затем снова между Средним и Новым царством. Доказательством для этих темных, хаотических периодов являются иероглифические записи после того, как они случались.

Но в Месопотамии, которая была самой стабильной цивилизацией в мире, кажется, не происходило распада до приблизительно 1400 года до н. э. В графике того периода боги больше не отображены. В отдельных случаях цари молятся перед пустыми тронами богов — ничего подобного не случалось раньше. Еще одну линию доказательств предоставляет клинописная литература. Есть эпос, называемый Эпос Тикульти-Нихурта (Epic of Tikulti-Ninurta), где впервые в истории о богах говорится как о «покинувших людей». Величайший литературный источник того периода, из которого, возможно, произошла Книга Иова, это *Ludlul Bel Nemequi*, первые поддающиеся прочтению строки которого переводятся как:

«Мой бог покинул меня и исчез, Моя богиня бросила меня и остается в стороне, Добрый ангел, ходивший вместе со мной, удалился».

Как похоже на некоторые еврейские Псалмы — Псалом 42, например.

Причины этого распада различны. Успех двухпалатных цивилизаций приводит к перенаселению — как я уже упомянул, и как описывается в текстах того периода. Были различные крупные катастрофы, такие, как извержение Тера (Thera), которое хорошо известно и могло стать источником Платоновского мифа об Атлантиде. Последующее цунами уничтожило все двухпалатные царства в этой части Средиземноморья. Целые нации были разрушены или перемещены, что привело к крупным миграциям народов, вторгавшихся в соседние страны в поисках «земли обетованной», места, где можно было снова осесть вместе со своими богами и положить начало новой двухпалатной цивилизации. Одна из причин того, почему у нас до сих пор есть проблемы в этой области мира, я думаю, берет начало именно в тех хаотических временах.

Другой причиной стала сама письменность, потому что, однажды записав что-то, вы можете отвернуться от этого, и это больше не обладает властью над вами, в противоположность слуховым галлюцинациям, которые вы не можете заставить замолчать. Письменность, особенно интенсивно использовавшаяся в правлении Хаммурапи, ослабила власть слуховых указаний. Распространение письменности, сложности перенаселения, и хаос больших миграций, когда одна популяция вторгалась в другую — вот очевидные причины. И в ходе этого распада начали происходить различные вещи, включая, я думаю, возникновение сознания.

Немедленные результаты этой утраты галлюцинаторных голосов, дающих указания, были различными и новыми в истории мира. Идея райских небес, куда могли уйти боги; идея гениев или ангелов как посредников между небесами и землей; идея злых богов, таких как демоны — все это новые явления. К 1000 году до н. э. люди в Вавилоне ходили, увешанные амулетами и талисманами, которые они носили для того, чтобы защитить себя от всевозможных демонов. Такие амулеты найдены в ходе раскопок в тысячах дат с того периода.

НАЧАЛО СОЗНАНИЯ

И вот тогда началось развитие нового способа принятия решений, некоего прото-сознания. Все значительные решения принимались ранее двухпалатным разумом. Но после распада, после того, как галлюцинаторные голоса больше не говорили людям, что делать, видимо, должны были развиваться различные другие пути распознавания посланий от богов для принятия решений. Мы называем эти методы прорицанием.

Простейший тип — бросание жребия; выливание масла на воду и наблюдение за узорами; игра в кости; движения дыма; жрец, шепчущий молитвы над жертвенным животным, приносящий его в жертву, и затем наблюдающий за его внутренними органами, чтобы обнаружить намерения богов. Все это официально и очень широко практиковалось. И, наконец, метод предсказания, распространенный до сих пор — астрология. Это поразительно — вернуться к примерно 1000 г. до н. э., и почитать клинописные послания царей своим астрологам и прорицателям (Pfeiffer, 1935). Эти жестокие ассирийские тираны, запечатленные на своих барельефах борющимися со львами и участвующими в жестоких львиных охотах, предстают в своих письмах кроткими и напуганными людьми. Они не знают, что им делать. Астрологи говорят им: «Вам нельзя выходить из дома на протяжении пяти дней»; «Вы не должны есть это»; «Вы не должны сегодня носить одежды» — экстраординарные ограничения, которые официальные прорицатели могли интерпретировать как то, чего хотят боги. Интересно заметить, что астрология не только сохранилась, но она имеет больше последователей сейчас, чем когда-либо ранее.

Если мы теперь проследим в Греции тот же период, который я только что описал в Месопотамии, мы сможем увидеть двухпалатный разум, каким он показан в табличках с линейным письмом В. И далее, через Илиаду,

Одиссею, лирическую поэзию и элегии следующих двух столетий, такие, как у Сапфо и Архилокуса, пока не доберемся до Солона в 600 г. до н. э. Солон — это первая личность, которая кажется похожей на нас: он говорил об уме так же, как это могли бы делать мы. Он был человеком, сказавшим: «Познай себя» (хотя иногда это приписывают Дельфийскому оракулу). Как вы еще можете познать себя, если только не имеете аналога «Я», нарратизирующего в умственном пространстве и вспоминающего или имеющего эпизодическую память о том, что вы делали и том, кто вы такой? В Греции, таким образом, можно в деталях увидеть возникновение и обучение сознанию на основе метафор и аналогий (как я описал выше), про следив в письме изменения в таких словах, как *phrenes*, *kardia*, *psyche*, которые я назвал «пред-сознательными ипостасями» (*pre-conscious hipostacies*) от ссылок на объективный мир до ментальных функций.

Тот же тип развития был изучен в древнем Китае Майклом Карром (Michael Carr) из Университета Отару. Сравнивая четыре последовательных части наиболее древнего собрания текстов, Шицзин (Shijing), он обнаружил аналогичный процесс интернализации для таких слов, как Цзин (Xin), пока они не стали в Китае концепциями разума (Carr, 1983).

Еще одна область того же периода, где мы можем наблюдать возникновение сознания, знакома бо льшинству из вас лучше. Это народы, которые мог ли быть беженцами при извержении Тера. Слово для обохначения беженцев на аккадском, древнем языке Вавилона, это слово *khabiru*, и это превратилось в наше слово Hebrew (еврей). История евреев, или на самом деле одной из ветвей евреев, рассказана в том, что мы называем Еврейским Заветом, или Ветхим Заветом.

Те из вас, кто обладает познаниями в библии, знают, что Ветхий Завет есть мозаика материалов, собранных вместе около 600 г. до н. э. — эта дата про должает сдвигаться вперед. Использовать это как доказательство, следовательно, несколько проблематично. Но есть несколько способов подойти к этой мозаике сильно отредактированных текстов, чтобы проверить теорию, и здесь я упомяну только один. Возьмем «чистейшие» книги — те, которые не являются композицией, а имеют одного автора и это может быть ясно и твердо датировано, и сравним самые старые из них с самыми поздними. Такое сравнение должно отразить различия в психике, на которые мы указываем. Старейшая из них — это Книга Амоса, датируемая примерно 800 г. до н. э., а позднейшая — Книга Экклезиаста, появившаяся примерно в 200 г. до н. э.

Я подозреваю, что такие пророки, как Амос были теми оставшимися в сознательную эпоху двухпалатными или частично двухпалатными людьми, которые слышали и могли передавать голос Йахве с убедительной достоверностью. И они были, следовательно, высоко вознаграждаемыми в своих обществах как возвращающиеся к прочным авторитарным способам потерянного двухпалатного царства. Амос — это не мудрый старец, а мальчик-пастух, пришедший с Фекойских полей. Вероятно, большую часть жизни он провел в полях, слушая старых пастухов, восхваляющих в рассказах Йахве. Когда его спрашивали, пророк ли он, он даже не знал значения этого слова. Но периодически он разражается «Так говорит Господь» (как переведено в Библии короля Джеймса), и изливает некоторые из самых сильных эпизодов в Еврейской истории с такой достоверностью, что он всегда окружен писцами, фиксирующими его слова.

Экклезиаст — полная противоположность. Он начинает со слов «И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью...» (2:13) — метафорическое использование «видения». Опространствленное время представляет собой нечто, на чем я подробно не останавливался, но я предполагаю, что это один из признаков сознания. Мы не можем сознательно думать о времени, не создавая из него некое пространство. И этому есть очень много доказательств в Экклезиасте — как, например, в том часто цитируемом, но по-прежнему прекрасном гимне времени, который начинается третью главу. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом, время рождаться и время умирать» и так далее, с образом времени как пространства для всего. Исторически, мы могли бы обратиться дальше к Новому Завету и заметить еще большую важность сознательной интернализации и изменений поведения изнутри, что находится в контрасте с законом Моисея, который формировал поведение извне.

ЧЕТЫРЕ СООБРАЖЕНИЯ

Я могу суммировать то, что я пока сказал, в трех главных суждениях о происхождении сознания. Первое касается природы сознания самого по себе, которое происходит из способности языка производить метафоры и аналогии. Вторая мысль — гипотеза о двухпалатном разуме и раннем типе психики. Мне кажется, доказательства его существования безошибочны. Помимо этой мысли, существует проблема объяснения происхождения

богов, происхождения религиозных практик в глубине веков, что очень отчетливо при психологическом изучении истории. Двухпалатный разум предполагает возможность связать их вместе и найти этому рациональное объяснение. Третья мысль заключается в том, что сознание пришло на смену двухпалатному разуму. Я располагаю эту дату где-то между 1400 и 6000 гг. до н. э. Это долгий период, и дату, возможно, стоит уточнить. Но я думаю, это будет хорошим приближением.

Я бы добавил здесь, что существует слабая форма этой теории. Она говорит о том, что сознание могло начаться вскоре после возникновения языка или, вероятно, в определенных местах и временах. В конце концов, люди могли создавать метафоры в начале устного языка — так развивался язык. Сознание могло бы происходить в точности тем способом, который я описал, и существовать какое-то время параллельно с двухпалатным разумом. Затем двухпалатный разум исчез приблизительно в 1000 г. до н. э. по причине, которую я предложил, оставив сознание добиваться своего. Это могло бы предоставить простые *ad hoc* объяснения высокоразвитым культурам, таким как шумеры, которые иначе бросают вызов двухпалатной теории. Но я не выбираю эту слабую теорию, потому что она почти нефальсифицируема. Думаю, нам следует иметь гипотезу, которую можно опровергнуть доказательствами, если мы хотим назвать ее научной гипотезой. Кроме того, сильная теория обладает мощной объясняющей силой в понимании многих исторических феноменов переходного периода. Далее, я не вижу, почему могла бы возникнуть необходимость в сознании параллельно с двухпалатным разумом, если последний принимал решения.

Четвертая мысль, которой я закончу, это нейрологическая модель двухпалатного разума. Я хочу подчеркнуть, однако, что это, в целом, не обязательная часть теории, которую я представил. Поскольку двухпалатный разум был так важен в истории, неся ответственность за цивилизацию, что могло происходить с мозгом? Должной стратегией в попытках ответить на такой вопрос является: взять простейшую идею, и постараться опровергнуть ее. Если она опровергнута, тогда берем что-либо более сложное.

Простейшей идеей, очевидной, я думаю, для каждого, будет привлечь к объяснению два мозговых полушария. Вероятно у древних людей — придавая этому популярную форму — правое полушарие «говорило» левому, и это и был двухпалатный разум. Не может ли быть причиной того, что речь и языковые функции у современных людей обычно находятся в левом полушарии, то, что соответствующие области правого полушария когда-то имели другие функции? Говорить так до некоторой

степени сомнительно, потому что есть другие причины для латерализации функций. Но, с другой стороны, это поднимает темы, которые мне нравятся. Что такое слуховая галлюцинация? Почему это повсеместно распространено? Почему они присутствуют в цивилизациях по всему миру?

Если мы примем, что когда-то в двухпалатные времена вся наставляющая информация перерабатывалась в некоторой пропорции миллиардами нейронов правого полушария, и сохранялась, частично в том, что соответствует зоне Вернике в задних височных долях, до тех пор, пока к ней не нужен был доступ, то как могли столь сложно обрабатываемые наставления передаваться через мозговые соединения в левое, или доминантное, полушарие? И что если, как я предположил (Джейнс, 1976b), намного, намного меньшее число волокон височных извилин было вовлечено в процесс? И на самом деле, недавние экспериментальные доказательства с обезьянами демонстрируют, что общение главных частей височных долей происходит через переднюю комиссуру (Jouandet, Garey, & Lipp, 1984). Передача такой информации могла бы осуществляться более эффективно, если бы представлялась неким типом кода. А какой есть код лучший, чем человеческий язык? Так что, разве не было бы интересно, если бы именно то, что может соответствовать зоне Вернике в правой височной доле, могло бы быть областью, вовлеченной в накопление наставляющей информации, перерабатывая ее таким образом, чтобы продуцировать ответы на проблемы и решения (что и является двухпалатным разумом), и далее использовать код языка чтобы передать ее в левое полушарие — полушарие, которое разговаривает, подчиняется, и управляет поведением?

В то время, когда я думал в таком примитивном стиле, в начале 1960-х годов, правое полушарие было малоинтересно. Даже в 1964 году некоторые ведущие нейрологи говорили, что правое полушарие не делает ничего, предполагая, что оно похоже на запасную крышку. Но с тех пор мы наблюдали бум открытий в области функций правого полушария, ведущих, я боюсь, к популяризации, переходящей в некие крайности в виде похожих дискуссий о асимметрии функций полушарий в последнем периоде 19-го столетия (см. Харрингтон, Harrington, 1985) и также в 20 столетии (см. Сегалович, Segalowitz, 1983).

Но главные результаты, даже сдержанно рассматриваемые, в целом согласуются с тем, что мы могли бы ожидать обнаружить в правом полушарии исходя из двухпалатной гипотезы. Наиболее значительное открытие такого рода это то, что правое полушарие — это полушарие, которое обрабатывает информацию синтетическим образом. Сейчас

хорошо известно из многих исследований, что правое полушарие значительно превосходит левое в решении задач о совмещении блочных конструкций (см. Bryden, 1982; Segalowitz, 1983). Главной функцией наставляющих богов было именно объединение людей и функционирование в обществах. Я предполагаю, что большая часть различий между функциями полушарий, которые мы сегодня можем наблюдать, может рассматриваться как отголосок отличий между двумя сторонами двухпалатного разума.

В итоге, я бы хотел еще раз повторить эти четыре соображения или модуля теории, которую я представил. Первое — природа сознания, его происхождение из языка, что можно эмпирически изучать в обучении сознания у детей, так же как и в изучении изменений сознания в недавней истории. Вторая мысль — двухпалатный разум, который можно изучать в древних текстах прямо и в современной шизофрении косвенно. Третье — мысль о том, что сознание последовало за двухпалатностью, что можно изучать в исторических артефактах и текстах. И четвертое — нейрологическая модель для двухпалатного разума, относящаяся к двум полушариям. И это может быть изучено в латеральных различиях сегодня.

То, что я попытался вам представить — это долгая и сложная история. Она оставляет нас с другим видением человеческой природы. Она предполагает, что то, что нас цивилизовало — это психика, которой у нас больше нет, в которой мы слышали голоса, называемые богами. Пережитки ее окружают нас в жизни повсюду: в наших современных религиях и потребности в религиях; в галлюцинациях, слышимых, в частности, при психозе; в нашем поиске уверенности, в наших проблемах личности (problems of identity). И мы все еще проходим тяжелый процесс приспособления к новой, сознательной психике. Последняя мысль, которой я завершаю, это то, что все, что является самым человеческим в нас: такое сознание, такое искусственное пространство, которое мы воображаем в других людях и в самих себе, такая жизнь внутри воспоминаний, планов и воображения, — все это всего лишь 3000 лет от роду.

А это, леди и джентльмены, меньше, чем 100 поколений. И поэтому, я думаю, мы можем сделать вывод, что все мы еще очень молоды. Большое вам спасибо.